

УДК 811. 512. 1

ДРЕВНИЕ ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ ДРЕВНЕГО ТЮРКСКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА К ТЮРКСКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Алиев Я.

Гянджинский государственный университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В статье исследуется переходный период от древнего тюркского письменного языка к тюркскому литературному языку средневековья. Для проведения анализа привлекаются древнетюркские памятники, такие как «Дивани-лугатит-турк» Махмуда Кашгари, Орхоно-Енисейские памятники и т. д. Автор на основе лингвистических фактов, выявляет этносоциологическую активность тюркских племен в формировании тюркского литературного языка.

Ключевые слова: тюркские языки, литературный язык, памятник

Постановка проблемы. Вариативность, наблюдаемая, как и в речи тюркских рунических письмен, и в тюркском литературном языке средневековья, представляет собой явление, порожденное в языке не концентрированной ассоциативностью племен, а наоборот, периодом размежевания диалектных субъектов, формирования в виде самостоятельных литературных тюркских языков и соответствующим историко-общественным процессом. Это потому, что в отличие от периодического участия эпизодическими фактами всех диалектных вариантов одного лингвистического элемента в языке-предшественнике, в тюркских письменных памятниках средневековья, например, представлены и огузский (-*i*, -*i*), и кыпчакский (согласное окончание -*ni*, -*ni* в словах), и уйгурский (-*q*, -*iq*, -*iq*) признаки морфема винительного падежа: *kişini* (человека), *anı* (его) (огузский), *keyikni* (оленья), *sawınnı* (слова) (кыпчакский), *taşığ* (слова) (уйгурский). Особо интересен тот момент, что параллели, присущие субъектам локальных языков, являются не столь сильным моментом, как факт единого литературного языка (по крайней мере, как в тюркских рунических письменах).

В работе М. Кашгари «Словарь тюркских наречий», исключая отдельные факты, огузский вариант местоимения единственного числа первого лица *ben* (я), можно сказать, не наблюдаются. Наоборот, кыпчакско-уйгурский вариант *men* (я) – используемая деталь. Или возьмем использование всех 3 вариантов винительного падежа. В тюркских рунических письменах среди деталей подобного типа прошла нормированно-стилистическая дифференцированность (например: морфема винительного падежа кыпчакского происхождения -*m* использовалась только во множественном числе личных местоимений – *meniğ* (меня), *seniğ* (тебя), *bizni* (нас), *sizni* (вас) и баланс находился на уровне, свойственном единому литературному языку. Однако в источниках, относящихся к средневековью, (преимущественно в диванах)

они не находятся в присущем единому письменному языку параллельном статусе. Подобное же заключение остается в силе и относительно параллельности на уровне лексического языка. Так, параллелизм диалект-племя в рунических письменах становился причиной и изменений в нормативной лексике, и между ними происходила стилизация (например, первая сторона синонимии *topla-teril* (собирать) осмысливается неодушевленными предметами, вторая же – в качестве действия, процесса, связанного с людьми). Хотя если в «Словаре» М. Кашгари параллелизация и присутствует, оно не является материалом единого письменного языка. М. Кашгари пишет: *Eyle* (сделай) на –огузском; *andağ* на чигильском языке. *Etti* (сделал) на огузском; *kıldı* – говорят другие тюрки [3, т. 1, 113, 118, 171]. и др. Не случайно, что М. Кашгари, повествуя о подобных лингвистических явлениях, определяет ограничение ареала использования каждого огузской, кыпчакской, или карлукской, уйгурской средой – «вещи синего цвета тюрки называют *köpkök*, огузы – *kömkök*» [3, т. 1. стр. 328]. и пр.

Явления норм, присущих тюркским руническим письменам, в языке тюркского литературного языка средних веков не просто повторяются, но и подвергаются развитию и деформации. Прежде всего, этого требуют закономерности развития языка, логика самого языка. То есть, как нормы азербайджанского языка XVII века не идентичны лексическим и другим лингвистическим нормам XVIII или XIX веков, так же отличаются друг от друга и наддиалектная речь тюркских рунических письмен и нормы, стилистические компоненты тюркских литературных языков средних веков. Кроме того, поскольку тюркские литературные языки средних веков остались в окружении различных событий последующих периодов, историко-общественных условий, не исключается эффект экстралингвистического воздействия на развитие древних норм. Например, глагол *uç-* на лексическом лингвистическом уровне тюркских рунических письмен передает значение «умереть». *Kültiqin kou yulka yiti yeqirmike uçtı* (Памятник во славу Культигина, Юго-Восточная сторона, перевод: Культигин скончался в семнадцатого // в семнадцатый день года Овцы [4]) и с этим семантическим ядром пересылается в письменную тюркскую литературную речь средних веков. Однако семантика, подвергнувшись деформации, под влиянием религиозного мышления, адаптируется к новому мировоззрению. Поэтому, в языке тюркских письменных памятников того времени глагол *uçmaq* означает (рай) в «Словаре тюркских наречий»: *uçmak yeri körildi* (перевод: место рая видно [3, т. 1, 119]). «В Деде Коркуте»: *Baban yeri uçmaq olsun* «Да будет место отца твоего в раю» [1, 51]. Следовательно, под влиянием внеязыкового фактора в лексико-семантической норме идет развитие. Подобное развитие может произойти и при отсутствии экстралингвистического воздействия. И с точки зрения процесса развития от предыдущего отличается не особо. Слово *oğuş* в тюркских рунических письменах означает племя. *Oğuşım, bodunım* (Памятник во славу Культигина, Южная сторона, I линия. Перевод: “племя мое, народ мой” [4]) в письменной речи средних веков же, семантика, сузившись, указывает значение «семья». В «Словаре тюркских наречий»: *Er oğuşlandı* (перевод: человек стал обладателем семьи [3, т. 1, 293]).

В образцах тюркского литературного языка средних веков порой можно встретить вариантность (смешанность норм) элементов лексического лингвистического

языка. В языке текстов произведения М. Кашгари «Словарь тюркских наречий», написанных на тюркском языке, используются признаки *din*, *-tan*, свойственные исходному падежу. Первый из них обладает статусом нормы древнего уйгурского языка, другой же, являясь признаком не диалектным, данный статус не носит, то есть нов. Признаком *-din* личные местоимения пользуются при выражении функции исходного падежа; в исходном падеже принимает только этот морфем: *Ol mendin utandı (mendin*; Он постеснялся меня [3, т 1, 199]) в остальных же случаях используется *-tan*: – *Ol edqüni yawlaktan edhirdi (yawlaktan*; Перевод: «Он отделил хорошее от плохого» [3, т. 1, 177]) в произведении М. Кашгари «Словарь тюркских наречий» представлены как лингвистические нормы нового периода, так и оберегаются на определенном уровне нормы древнего тюркского рунического письма. В общем, в «Словаре» много моментов, повествующих о нормах лингвистических явлений, присущих отдельным локальным тюркским языкам (огузского, кыпчакского, уйгур-карлукского происхождения).

В лингвистической картине другого памятника, относящегося к средневековому периоду – «Подарка истин» Ахмада Югнаки – положение дел несколько иное. Поскольку здесь новая норма не организована, старая норма как количественно, так и по частоте использования в ряде сфер (особенно в грамматическом ярусе) преобладает. Однако это отношение на фонетическом и лексическом уровнях языка может различаться; наблюдается и лингвистическая связь тюркских рунических письмен – наличие звуковых соединений *-ğa*, *-qe* (или в качестве примера, слово *bodun*), и не используется *-ğa*, *-qe* (встречаются слова *xalk*, *xalayik* в соответствующей форме) *Küç ämqäk täğürmә kişikә kalı (ämqäk*; перевод: «Не доставляй трудностей другому» [2, т. 25, 44]) *Ayayın tән anı, kulak tut manqa (kulak*; Вместо *kulkak* в Памятнике во славу Культигина. Перевод: Дай мне ухо, скажу тебе я это [2, т. 23, 42]).

Нормативно-стилистическое равновесие рунических письмен, которые мы полагаем интенсивным лингвистическим качеством, наблюдается и в тюркском литературном языке средневековья. Если в рунических письменах это явление происходило в контексте диалектизма и литературности, в литературном языке средних веков демонстрирует отличающуюся парадигму. Поскольку проблема диалектного и не являющегося диалектным языка, в отличие от отображения древней тюркской литературной речи, для письменной речи последующих периодов не является актуальной. Оно уже диктует новое направление – вопросы наследования между двумя литературными языками (древним литературным тюркским языком и литературными тюркскими языками средних веков). То есть, для средних веков становятся более актуальными отношения между уже ставшей литературным, и породившим его языками, а это может вызвать интерес по ряду причин. Во-первых, культурно-исторические условия, являясь регулирующим фактором в лингвистических процессах, подвергаются изменениям, то есть возникает социальный базис, на который опирается тюркский литературный язык средневековья. Этот фундамент отличается от базиса, породившего древнюю тюркскую речь. То есть, у среды, опирающейся на консолидацию тюркских этносов, и не только консолидацию, но и единую административно-этническую концентрацию, существуют свои закономерности. И лингвистические процессы, диктуемые этой закономерностью (или же находящиеся под

его воздействием), по своей сути должны были отличаться от прежних (и последующих) лингвистических процессов. В тюркских рунических письменах винительная форма категории грамматического падежа представляется несколькими морфологическими признаками. В каждом из вариантов заключается различное племенное происхождение (кыпчакское, огузское, уйгурское). Из них только одно – уйгурское диалектное свойство (с аффиксами *-q*, *-iġ*, *-iq*) – демонстрирует интенсивную частоту пользования. Остальные, наряду с низкой частотой использования, прикреплены к постоянной ситуации. Согласные окончания, воспринимаемые нами в качестве кыпчакского диалектного свойства, добавляемые к словам морфемов винительного падежа *-ni*, *-ni*, в языке памятников, как правило, используются в местоимениях множественного числа первого и второго лица (*bizni*, *sizni*). Другими словами, один из вариантов превращается в норму, другой, увязываясь со стилистическими моментами, продолжает свое существование. Момент, в котором есть подобное нормативно-стилистическое равновесие, представляет собой факт работы над языком, следовательно, является показателем литературности. Формирование тюркских литературных языков средневековья (в качестве наследника литературного языка тюркских рунических письмен) опирается на дифференциацию в виде самостоятельных тюркских языков различных интегрированных диалектных субъектов. В X веке создается империя Илекханидов (или Караханидов), основывающаяся на союзе карлуков и частично уйгуров, а осевшие в нижнем течении Амударьи огузы-туркмены, двигаясь в X-XI веках на юг, подчинили себе всю, впоследствии, мусульманскую Азию, Хорезм, нижнее течение Сырдарьи. В XI веке кыпчакский союз, двинувшись от берегов Иртыша на запад, овладевает обширной территорией, называемой в арабских источниках (начиная в XI веке Нарисом Хосровом). Кыпчакской степью (охватывал юго-запад современного Казахстана, нижнее течение рек Волга и Дон, крымские степи). Таким образом, средние века характеризуются локализацией – формируются локальные тюркские литературные языки. Также, появляется органическая связь между историческими условиями и лингвистическими процессами. Диалектные субъекты наддиалектной речи Орхон-Енисейских памятников дифференцируются в самостоятельные тюркские языки. При этом и воздействия только сформировавшихся исторических условий диктуются в язык, и старое некоторое время может хранить себя. Логика в том, что распространившееся из старого новое есть реальный результат его эволюции, его законный наследник. Лингвистические процессы переходного периода от древней тюркской речи к литературному языку средневековья могут рассматриваться именно под этим углом зрения.

Этим происходит переход от наддиалектной речи древних рунических тюркских письмен к тюркскому литературному языку средневековья – древний тюркский этнический и лингвистическая среда распадается, возникают локальные тюркские языки средних веков. Предполагаемая схема лингвистических процессов переходного периода такова: наддиалектная норма древних тюркских рунических письмен должна быть адаптирована к локализованной среде тюркского языка (а это возможно лишь путем параллельного сосуществования «старой» нормы с «новой», и постепенной обязательности новой нормы), или же использоваться в качестве гото-

вой литературной (лингвистической) формы до формирования норм нового письменного языка. В обоих случаях наддиалектные нормы древних тюркских рунических письмен – формы литературного языка – не отмирают, передаются последующим лингвистическим субъектам развития и при этом не остаются в качестве статического лингвистического элемента, используемого ради традиции.

При Втором или же Восточном тюркском каганате (681-745) административный союз объединял более, примерно, 20 родственных племен. Как не одинаково было их политическое положение в древнем тюркском союзе, так и в формировании древнего тюркского литературного языка эти племенно-диалектные языки участвовали не в равной степени. В обоих планах и лингвистические субъекты, и диалектные языки отличались друг от друга. В пределах древнего тюркского союза ни одно племя не было ассимилировано другим, даже составляющие численное меньшинство остались в виде самостоятельных племен. В Орхон-Енисейских письменах часто упоминаются состоящие из трех родов племенные субъекты, называя их «3 огуза», «3 курыкан», «3 карлука», обращаются к ним как к самостоятельным адресам. Каган в равной степени отдельные племена называл *kenti bodunim* (мой народ) в этом контексте государство Гейтюрков (Первое и Второе тюркские каганаты) были объединениями, основывающимися на консолидации тюркских (и, частично, нетюркских) племен.

После распада тюркского единства (и в политическом смысле, и с точки зрения этнической концентрации тюркских племен) племенные субъекты оказываются в различных общественных, культурных условиях. Мелкие племена, известное дело, ассимилируются в родственной (и не являющейся родственной) среде. Крупные племена же превращаются в самостоятельные этнические единицы, образуют отдельные административные союзы. Упоминаемые в Орхон-Енисейских памятниках племена огузов (3 огуза, 8 огузов, 9 огузов), изгилов, эдизов, тонра, уйгуров (10 уйгуров), карлуков (2 карлука), ягма, чигиллов, тургис // туркеш или же тухси, чиков, басмиллов, байыркул, кыпчаков, киргизов, танутов, кенересов (кенгерли или печенеги) были представлены в качестве субъектов этноса тюркского союза в VII-VIII столетиях.

Надгробия, найденные в бассейнах рек Орхон и Енисей, дают определенные сведения о позиции субъектов этноса в государстве Гейтюрков. Известно о наличии лингвистических особенностей различных этносов в древних тюркских письменных памятниках. Однако участие огузских (или кыпчакских) свойств в языке Орхон-Енисейских памятников объяснять подпаданием огузов (или кыпчаков) под влияние гейтюрков было бы неверно. И это отнюдь дело не 100-150 лет. Во-первых, потому, что в языке памятников огузские, кыпчакские, уйгурские лингвистические свойства систематизированы и проявляются в определенных грамматических категориях, относящихся к какому-либо языку. Например, в языке памятников аффиксы *-in*, *-nin* винительного падежа проявляются в качестве огузского свойства, аффиксы *-a*, а также, пусть и в рудиментарном состоянии, *-ua*, *-ue* дательного падежа огузского и окончания *-ka*, *-ke* кыпчакского свойства, форманты *-ig*, *-iq* в винительном падеже уйгурского, окончания *-i*, *-i*, *-ni* огузского, окончание *-ni* (после согласного) кыпчакского признака. Среди подобного разнообразия огузские аффиксы винительного

падежа, кыпчакские дательного падежа, уйгурские винительного падежа являются доминантными. Это показывает, что вариантность, идущая из племенных (огузских, кыпчакских, уйгурских и пр.) языков, определением лингвистической нормы становится причиной выбора.

Выводы и перспектива. Образование огузами основы тюркского каганата, сведения источников (Орхонских памятников) о том, что их численное большинство являлось основной политической силой каганата, точно определяет место огузов в этно-культурологических процессах древнего тюркского периода и позволяет полагать его одним из этно-культурологических центров древней тюркской эпохи. Однако распадом Второго восточно-тюркского каганата роль огузов в этно-культурологических процессах завершается, и для выполнения своей новой миссии выходят за пределы хронологических границ времени. Взамен этого, в активную силу превращается другой этно-культурологический центр древней тюркской эпохи – уйгуры. Уйгуры были одним из основных сил, участвующих в этнокультурных процессах древнего тюркского периода. Они составляли структурный племенной компонент 2 государств – согласно Орхон-Енисейским памятникам, и Второго восточно-тюркского каганата, и последующего уйгурского государства. Второй восточно-тюркский каганат, как с точки зрения государственного устройства, так и по этническому составу, напоминал федерацию, то есть являлся союзом, опирающимся на этнополитическую концентрацию родственных родов. Однако, хотя уйгурское государство и было близко к этнополитическому формированию, в большей степени напоминало унитарное устройство. Во-первых, потому, что образование государства связано с именем уйгурского правителя. Поскольку этно-культурологические процессы, участниками которых были уйгуры, происходили в переходный период от древнего тюркского периода к периоду средних веков, сущностью своей они более соответствовали требованиям нового периода. Наряду с этнической и лингвистической локализацией, в культурологической сфере наблюдается активность. Переход уйгуров к городскому образу жизни, расширение торгово-экономических отношений с другими государствами и этносами, возникновение новых культурных связей, нововведения в теологической сфере, существование образцов художественного языка, показывающих формирование функциональных методов в литературном языке, взаимоотношения с другими языками и пр. тоже из этого ряда. В уйгурском тюркском языке того периода возникают, стабилизируются новые культурологические термины. Уйгурский язык, заимствуя слова из других языков, и сам выполняет функцию адресанта (заимствуемого языка) в 840 году в результате киргизской экспансии государство уйгуров было ликвидировано, и закончилась культурно-историческая миссия одного из этнокультурных центров древнего периода. Часть уйгуров, уйдя на запад, создает в Джунгарии новое уйгурское государство, именуемое в арабских источниках государством *toqiz uqur*, а другая часть, осев в провинции Китая Ганьсу, в X веке приняла буддистскую веру. В Орхонских памятниках, как правило, название кыпчаков не встречается. Видимо, они не проявляли особой политической активности. Поэтому, в Орхонских памятниках о них, как о составной части государства, образованного огузами, особо не повествуется. Лишь однажды в письменах, посвященных уйгурскому каганату – в

памятнике во славу *Моуин Çор* – упоминаются кипчаки. Несмотря на это, наряду с огузами и уйгурами, и кыпчакский этнос тоже можно полагать этнокультурологическим центром древнего тюркского периода. Потому как в Орхонских памятниках есть много лингвистических фактов, связанных с кипчаками, и их достаточно для предположения об этносоциологической активности этноса.

Литература:

1. Деде Коркут. – Баку: Язычы, 1988. – 265 с.
2. Материалы о древних тюркских памятниках. – Баку: Издательство Бакинского университета, 1993. – 130 с.
3. Перевод «Деде Коркута»: в 4 томах. – Т. I. – Анкара: 1985. – 526 с. ; Т. II. – Анкара: 1985. – 366 с. ; Т. III. – Анкара: 1986. – 449 с.
4. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / Малов С. Е. – Москва-Ленинград: изд. АН СССР, 1951. – 452 с.

Алієв Я. Стародавні тюркські рунічні писемні пам'ятники і перехідний період від стародавньої тюркської писемної мови до тюркської літературної мови середньовіччя / Я. Алієв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 376–382.

У статті досліджується перехідний період від стародавньої тюркської писемної мови до тюркської літературної мови середньовіччя. Для проведення аналізу залучаються давньотюркські пам'ятники, такі як «Дівані-лугатіт-турк» Махмуда Кашгарі, Орхонські пам'ятники та ін. Автор на основі лінгвістичних фактів, виявляє етносоціологічну активність тюркських племен у формуванні тюркської літературної мови.

Ключові слова: тюркські мови, літературна мова, пам'ятник.

Aliyev Ya. Ancient Turkic runic inscriptions and the transition from the ancient Turkic written language to the Turkic literary language of medieval / Ya. Aliyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 376–382.

In the article studied the transition from the ancient Turkic written language to the Turkic literary language of the Middle Ages. For the analysis involved ancient monuments such as "Divani lugat-Turk" Mahmud Kashgari, Orkhon-Yenisey monuments etc. Author on the basis of linguistic evidence reveals ethnosociological activity Turkic tribes in the formation of the Turkic language.

Keywords: Turkic languages, written language, the monument

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.